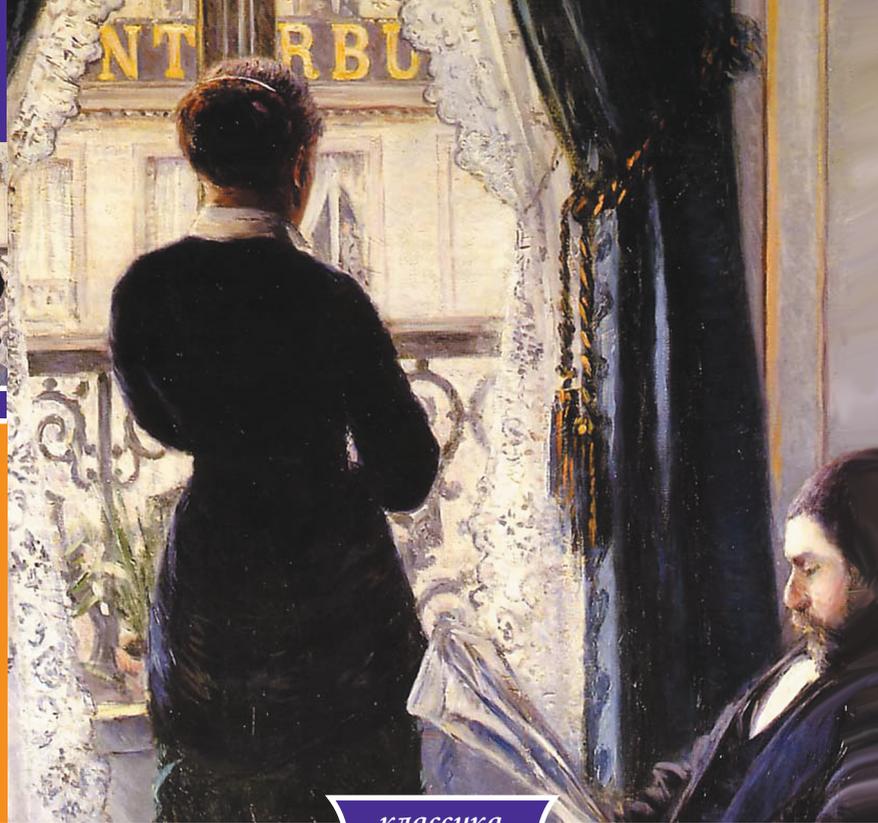

1799–1850

«Бальзак принадлежит к могучей расе революционеров. Он идет прямо к цели <...> у одного вырывает крик, с другого срывает маску, он перерывает порок, он анатомирует страсть, он рассекает и исследует человека, его душу, сердце, внутренности, мозг, всю ту бездну, которую каждый носит в себе».

Виктор Гюго

классика
В
кармане

классика в кармане

О. ДЕ БАЛЬЗАК

классика
в кармане

Отец Горио

О. ДЕ БАЛЬЗАК

классика
в кармане

«Читайте больше французов. Бальзака, у которого в иное время учились писать все...»

Л. Н. Толстой

www.bmm.ru

www.trade.bookclub.ua

Отец Горио

О. ДЕ БАЛЬЗАК

Отец Горио

*классика
в кармане*

О. ДЕ БАЛЬЗАК

Отец Горюо

Москва

УДК 821.133.1
ББК 84(4)
Б21

Проект Д. Е. Веселова

Вступительная статья *А. Н. Анненской*
Примечания *Е. Ф. Корша*

Печатается по изданию:

Бальзак О. Отец Горио / пер. и коммент. Е. Ф. Корша. — М., 1980;
вступительная статья печатается по:

Оноре Бальзак: его жизнь и литературная деятельность / биографический
очерк А. Н. Анненской. — СПб., 1895

В оформлении обложки использован фрагмент картины
Гюстава Кайботта «Интерьер» и гравюра Э. Шике
Иллюстрации Альбера Линча

Литературно-художественное издание
Серия «Классика в кармане»

БАЛЬЗАК Оноре де
Отец Горио

Дизайнеры обложки *Т. Н. Коровина, Я. В. Крутий*
Дизайнер-верстальщик *Т. Ю. Удачина*

Подписано в печать 16.07.2012. Формат 76×100/32.
Усл. печ. л. 14,07. Тираж 5000 экз. Заказ №

ЗАО «БММ», г. Москва, Проспект Мира, д. 68, стр. 1А. Тел. (495) 984-35-23;
e-mail: office@bmm.ru

Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», 61140, Харьков-140,
пр. Гагарина, 20а; e-mail: sor@bookclub.ua. Св. № ДК65 от 26.05.2000

Отпечатано с готовых диапозитивов на ЧП «ЮНИСОФТ»
Свидетельство ДК № 3461 от 14.04.2009 г.
Украина, 61045, г. Харьков, ул. О. Яроша, 18

© И. С. Веселова, составление, 2012

© Hemiro Ltd, 2012

© ЗАО «Фирма Бертельсманн
Медиа Москау АО», 2012

© Книжный Клуб «Клуб
Семейного Досуга», 2012

ISBN 978-5-88353-475-0 (серия)
ISBN 978-5-88353-485-9 (БММ)
ISBN 978-966-14-4233-6 (КСД)

Оноре де Бальзак. Его жизнь и литературная деятельность¹

В первой половине XIX века роман очень быстро завоевал себе одно из самых почетных мест в литературе Франции. Представители господствовавшей в то время романтической школы видели в нем удобную форму для воплощения в художественных образах своих идеалов, своих взглядов на искусство, на жизнь, на чувство. Виктор Гюго наряду с поэмами и драмами писал «Собор Парижской Богоматери» и «Ган-исландец», Жорж Санд обратила на себя общее внимание своими «Валентиной», «Индианой», «Лелией» и целой серией талантливых романов, Бейль (Стендаль), Теофиль Готье, Сент-Бёв, Жюль Жанен и менее видные представители романтизма привлекали массу читателей своими беллетристическими произведениями.

Рядом с этими «идейными» романами возникает роман-фельетон, «сенсационный» роман, рассчитанный на внешний интерес, привлекающий читателя запутанностью фабулы, неожиданностью развязки. «Монте-Кристо» и «Три мушкетера» Дюма приводят в восторг не особенно требовательную публику. Сулье, П. Феваль и другие наводняют книжный рынок самыми невероятными историями.

Рядом с романами тенденциозными и «сенсационными» появились первые зачатки романа натуралистического, — романа, ставившего себе задачей не поучать читателя, не рисовать ему идеалы, а просто изображать

---

¹ Оноре Бальзак: его жизнь и литературная деятельность / биографический очерк А. Н. Анненской. — СПб., 1895. Фрагмент очерка печатается в современной орфографии.

действительность. Отцом натуралистического романа считается по праву Бальзак, хотя он и не вполне отрешился в своих произведениях от влияния романтической школы. Первые романы его, подписанные большей частью псевдонимами, являются неудачными подражаниями Вальгер Скотту, фабула «Шагреновой кожи» напоминает своей фантастичностью Гофмана, «Серафима» проникнута романическим мистицизмом. Богатая фантазия автора нередко отвлекала его от трезвого наблюдения реальной жизни и уносила то в мир грез, то в туманы им самим придуманной философии и психологии.

Трудно найти писателя более разнообразного в своей литературной деятельности, чем Бальзак. Кроме романов, он писал драмы, комедии, критические статьи, фельетонные заметки, политические памфлеты, ученые и философские трактаты. Но из всех этих родов литературы один только роман создал ему славу. Как драматург он слаб и вял; как критик он часто увлекается личными симпатиями и антипатиями; как политик он защищает легитимистскую монархию и сильную власть церкви; он ставит произвол выше закона, так как «закон — это паутина, через которую свободно проходят большие мухи и в которой остаются только маленькие»; как философ он туманен, не придерживается никакой определенной системы, является то мистиком и спиритом, то грубым материалистом. Все философские и научные обобщения, которыми испещрены его романы, — это по большей части произвольные и скороспелые выводы из недостаточно наблюденных фактов. Сам себя он считал глубоким мыслителем, но это заблуждение: его сила заключалась не в выводе, не в обобщении, а в изображении отдельных фактов, мелких подробностей, из которых сама собою слагалась полная картина. Подходя к какому бы то ни было жизненному явлению, он не преклонялся перед его красотой, не отворачивался от его без-

образия, как романтики, а присматривался к нему спокойно, объективно, без восторга и без отвращения, стараясь угадать причины, породившие его, среду, обусловившую его существование. Чисты или грязны, изящны или безобразны описываемые им предметы, для него безразлично; жаба интересует его столько же, сколько бабочка, коршуном он занимается охотнее, чем голубкой. «Я не сочиняю человеческую природу, я ее наблюдаю в ее прошлом и настоящем. Я изображаю людей не такими, какими они должны быть, а такими, какими они на самом деле бывают», — говорил сам про себя Бальзак. Такое наблюдение и такое воспроизведение наблюдаемого требовало бы кропотливой работы ученого, который медленно исследует факт за фактом, прежде чем решится на обобщение или объяснение их. Но воображение и творческая сила настолько преобладали в натуре Бальзака, что не допускали такой кропотливости. Он, несомненно, рисовал действительность, но так, как эта действительность отражалась в его собственном мозгу. Очень небольшого количества наблюденных фактов было для него достаточно, чтобы воссоздать целое явление. «Самая маленькая подробность давала ему возможность восстановить целый организм, целый класс общества», — говорит про него П. Бурже; в этом он похож на Кювье, который по одной кости, по одному зубу мог воспроизвести целый погибший вид животного. Он сознавал в себе эту способность и называл ее *pénétration retrospective*¹.

«У меня, — говорит он сам, — с детства наблюдение стало интуицией: оно давало мне возможность жить жизнью того человека, которым я был занят, позволяло мне вполне становиться на его место, как тому дerviшу из “Тысячи и одной ночи”, который принимал душу и тело человека, подвергавшегося его заклятию».

---

¹ Ретроспективное проникновение (*франц.*).

Как Золя в своих романах дает нам яркую картину французского общества, созданного Второй империей, так в произведениях Бальзака мы видим отражение буржуазной монархии Луи-Филиппа. Торжество капиталистической промышленности, стремление к быстрой наживе, беззастенчивая спекуляция и скептически-индифферентное отношение ко всему, что не касается материальной выгоды, — вот основные черты времени и вот основная тема романов Бальзака. Деньги — главный рычаг жизни большинства выводимых им действующих лиц. Он представляет нам молодых людей, стремящихся в Париж, чтобы разбогатеть, и не брезгующих для этой цели никакими средствами; почтенных отцов семейства, пускающихся в самые двусмысленные предприятия; скряг, дрожащих над накопленным золотом; добродетельных женщин, готовых отдаться развратникам, чтобы устроить денежные дела семьи; невинных девушек, мечтающих о шелках и брильянтах, в которые их оденут избранники их сердца. В его романах перед нашими глазами проходит длинная вереница банкиров, спекулянтов, ростовщиков, маклеров, поверенных, продавцов, торгующих всем, не исключая своей и чужой чести; он беспрестанно говорит о разных финансовых и коммерческих предприятиях, о промышленных изобретениях и биржевых спекуляциях, о подложных векселях и мошеннических сделках. Он, по остроумному замечанию Тэна, «ввел торговые дела в область поэзии». Его герои ведут отчаянную борьбу за наследство или за приданое, банкротятся, разоряются, обогащаются, причем автор подробно описывает, каким путем шло это обогащение, и с интересом следит за ростом миллионов в руках какого-нибудь Гранде или Гобсека.

Мир наживы есть в то же время мир черствого эгоизма. В нем нечего искать самоотвержения, стремления к идеалу, бескорыстного служения истине или человечеству. И герои Бальзака не знают ничего подобного:

ОТЕЦ ГОРИО

Великому и знаменитому Жоффруа де Сент-Илеру в знак восхищения его работами и гением.

Де Бальзак

Престарелая вдова Воке, в девицах де Конфлан, уже лет сорок держит семейный пансион в Париже на улице Нёв-Сент-Женевьев, что между Латинским кварталом и предместьем Сен-Марсо. Пансион под названием «Дом Воке» открыт для всех: для юношей и стариков, для женщин и мужчин, — и все же нравы в этом почтенном заведении не вызывали нареканий. Но, правду говоря, там за последние лет тридцать и не бывало молодых женщин, а если поселялся юноша, то это значило, что от своих родных он получал на жизнь очень скудно. Однако в 1819 году, ко времени начала этой драмы, здесь оказалась бедная юная девица. Как ни подорвано доверие к слову «драма» превратным, неуместным и расточительным его употреблением в скорбной литературе наших дней, здесь это слово неизбежно, и не потому, что наша повесть драматична в настоящем смысле; но, возможно, что кое-кто, закончив чтение, прольет над ней слезу *intra* и *extra muros*¹. А будет ли она понятна и за пределами Парижа? В этом можно усомниться. Подробности всей этой драмы, полной и местных наблюдений и местных красок, найдут себе достойную оценку только между холмами Монмартра и пригорками Монружа, в долине, знаменитой своими постройками из щебня, готовыми в любое время рухнуть, и водосточными канавами, черными от грязи; в долине, где

---

¹ В черте города и в его предместьях (*лат.*).

истинны одни страдания, а радости нередко ложны, где жизнь бурлит так жутко, что лишь необычайное событие может оставить по себе хоть сколько-нибудь длительное впечатление; а все-таки порой и здесь встретишь горе, которому сплетение пороков и добрых чувств придает торжественность и величавость: перед его лицом корысть и себялюбие отступают, давая место жалости; но это чувство проходит так же быстро, как ощущение от сочного плода, проглоченного наспех. Колесница цивилизации в своем движении подобна колеснице идола Джагернаута¹: наехав колесом на человеческое сердце, но не такое хрупкое, как у других людей, она, едва запнувшись, уже крушит его и продолжает свой достославный путь. Вроде этого поступите и вы: взяв эту книгу холеной рукой, усядетесь поглубже в мягком кресле и скажете: «А может быть, все это развлекает меня?» Прочтя про тайные отцовские невзгоды Горио, покушаете с аппетитом, а свою бесчувственность вы отнесете за счет автора, упрекнув его в преувеличении и осудив за поэтические вымыслы. Так знайте: эта драма не выдумка и не роман. «All is true»² — она до такой степени правдива, что всякий найдет ее зачатки в себе самом, возможно, в своем сердце.

Дом, занятый под семейный пансион, принадлежит г-же Воке. Стоит он в нижней части улицы Нёв-Сент-Женевьев, где местность, снижаясь к Арбалетной улице, образует такой крутой, обрывистый подъем и спуск, что конные повозки тут проезжают очень редко. Это обстоятельство способствует обычной тишине на улицах, запрятанных в пространстве между куполом на Валь-де-Грас³ и куполом на Панте-

---

¹ Джагернаут — статуя, один из вариантов воплощения индийского бога Вишну.

² «Все правда» (*англ.*, цитата из Шекспира).

³ Валь-де-Грас — парижский военный госпиталь в старинном монастырском здании.

оне¹, где эти два величественных здания изменяют световые явления атмосферы, пронизывая ее желтыми тонами своих стен и омрачая все суровым колоритом куполов. Здесь мостовые сухи, в канавах нет ни грязи, ни воды, вдоль стен растет трава; самый беспечный человек, попав сюда, становится печальным, как и все здешние прохожие; грохот экипажа является событием, дома угрюмы, от глухих стен веет тюрьмой. Случайно попавший туда парижанин не увидит ничего, кроме семейных пансионеров или учебных заведений, скуки или нищеты, умирающей старости и жизнерадостной, но вынужденной трудиться юности. В Париже нет квартала более ужасного и, надобно заметить, менее известного.

Улица Нёв-Сент-Женевьев, как некая бронзовая рама, достойна больше всех служить оправой этому рассказу, который требует возможно больше серьезных мыслей и темных красок, чтобы читатель уже сначала проникся настроением, подобным чувству путешественника при спуске в катакомбы, где с каждой ступенькой все больше меркнет дневной свет, все глуше раздается протяжный голос провожатого. Верное сравнение! Кто решит, что более ужасно: взирать на черствые сердца или на пустые черепа?

Главным фасадом пансион выходит в садик, образуя прямой угол с улицей Нёв-Сент-Женевьев, откуда видно только боковую стену дома. Между садиком и домом, перед его фасадом, идет выложенный щебнем неглубокий желоб шириной в туаэ², а вдоль него песчаная дорожка, окаймленная геранью, а также гранатами и олеандрами в больших вазах из белого и си-

---

¹ Пантеон — архитектурный памятник XVIII века, первоначально католическая церковь; во время буржуазной революции был превращен в усыпальницу. Надпись на фронте гласит: «Великим людям — благодарная родина».

² Туаэ — старинная мера длины, равная 1 м 945 мм.

него фаянса. Для входа на дорожку с улицы сделана калитка; над ней прибита вывеска: «ДОМ ВОКЕ», а ниже: «Семейный пансион для лиц обоего пола и прочая». Если заглянуть днем в решетчатую калитку со звонким колокольчиком, то против улицы, в конце канавы, видна стена, где местный живописец нарисовал арку под зеленый мрамор, а в ее нише изобразил статую Амура. Глядя теперь на этого Амура, покрытого лаком, уже начавшим шелушиться, охотники до символов, пожалуй, усмотрят в статуе эмблему той парижской любви, последствия которой лечат по соседству. На время, когда возникла эта декорация, указывает полустершаяся надпись под цоколем Амура, свидетельствуя о восторженном приеме, оказанном Вольтеру при возвращении его в Париж в 1777 году:

Кто бы ни был ты, о человек,
Он твой наставник, и навек.

К ночи вход закрывают, уже не решетчатой дверцей, а глухой.

Садик, шириной во весь фасад, заключенный между забором со стороны улицы и стеной соседнего дома, совершенно скрытого завесой из плюща, настолько живописен для Парижа, что привлекает взор прохожих. Все стены вокруг сада затянуты фруктовыми шпалерами и виноградом, причем из года в год их пыльные и чахлые плоды становятся предметом опасений г-жи Воке и бесед ее с жильцами. Вдоль стен проходит узкая дорожка и ведет под кущу лип, или *липп*, как г-жа Воке, хотя и из рода де Конфлан, упорно произносит это слово, несмотря на грамматические указания своих нахлебников. Меж боковых дорожек разбита прямоугольная куртина с артишоками, обсаженная щавелем, петрушкой и латуком, а по углам ее стоят пирамидально стриженные плодовые деревья. Под сенью лип врыт в землю круглый

стол, окрашенный зеленой краской, и вокруг него поставлены скамейки. В разгаре лета, когда бывает такое пекло, что можно выводить цыплят без помощи наседки, здесь, наслаждаясь тенью, распивают кофе те из постояльцев, кто достаточно богат, чтобы позволить себе такую роскошь.

Дом в четыре этажа с мансардой выстроен из известняка и выкрашен в тот желтый цвет, который придает какой-то пошлый вид почти всем домам Парижа. В каждом этаже пять окон с мелким переплетом и с жалюзи, но ни одно из жалюзи не поднимается вровень с другими, а все висят и вкривь и вкось. Боковой фасад лишь в два окна, при этом оба нижних без всяких украшений и забраны решеткой из железных прутьев. Позади дома двор шириною футов в двадцать, где в полном единении живут свиньи, кролики и куры. В глубине двора стоит сарай для дров; между сараем и окном кухни висит ящик для хранения провизии, а под ним проходит сток для кухонных помоев. Со двора на улицу Нёв-Сент-Женевьев пробита маленькая дверца, в которую кухарка сгоняет весь домашний мусор, щедро пользуясь водой, чтобы очистить эту свалку, во избежание штрафа за распространение заразы.

Нижний этаж был словно нарочно приспособлен под семейный пансион. Первая комната с окнами на улицу и стеклянной входной дверью представляет собой гостиную. Гостиная сообщается со столовой, которая отделена от кухни клеткой лестницы, деревянные ступеньки которой выложены квадратиками, покрыты краской и натерты воском. Трудно вообразить себе что-нибудь безотраднее этой гостиной: стулья и кресла обиты волосяной материей в полоску, блестящую и матовую попеременно; середину гостиной занимает круглый стол с доской из черно-красчатого мрамора, а на столе, для украшения, кофейный сервиз белого фарфора с потертыми золотыми ободками, какой найдешь теперь повсюду. Пол настлан кое-как, стены об-

шиты панелями до уровня плеча, а выше оклеены глянцевитыми обоями с изображением главнейших сцен из «Телемака»¹, где действующие лица античной древности изображены в красках. В боковом простенке, между решетчатыми окнами, глазам пансионеров открывается картина пира, устроенного в честь сына Одиссея нимфой Калипсо. Эта картина уже лет сорок служит мишенью для насмешек молодых нахлебников, воображающих, что, издеваясь над обедом, на который обрекает их нужда, они тем самым ставят себя выше своей участи. Камин, судя по неизменной чистоте пода, топился лишь в самые торжественные дни, и ради украшения на нем стоят замечательно безвкусные часы из синеватого мрамора, а по бокам их — два стеклянных колпака над ветхими букетами искусственных цветов в двух вазах.

В этой первой комнате стоит особый запах: он не имеет соответствующего наименования в нашем языке, но его следовало бы назвать *запахом пансиона*. В нем чувствуется затхлость, плесень, гниль; он вызывает содрогание, бьет чем-то мозглым в нос, пропитывает собой одежду; отдает столовой, где только что кончили обедать; воняет кухмистерской, лакейской, богадельней. Описать его, быть может, и удастся, когда изыщут способ выделить все тошнотворные составные его части — эти особые, болезненные запахи, исходившие от каждого молодого или старого нахлебника. И вот, несмотря на этот пошлый ужас, если сравните вы гостиную со смежною столовой, то первая покажется изящной и благоуханной, как будуар.

Столовая, доверху обшитая деревом, когда-то была выкрашена в какой-то цвет, но он теперь уже неуловим

---

¹ «Приключения Телемака» — роман французского писателя Фенелона (1651–1715). В нем повествуется, как Телемак отправился на поиски своего отца Одиссея и после кораблекрушения оказался у нимфы Калипсо на одном из островов у берегов Греции.

и служит только грунтом, на который нахлоилась грязь, разрисовав его причудливым узором. По стенам — липкие буфеты, где пребывают щербатые и мутные графины, поддонники из жести со струйчатым рисунком, стопки толстых фарфоровых тарелок с голубой каймой — изделие Турнэ¹. В одном углу поставлен ящик с нумерованными отделениями, чтобы хранить в них залитые вином или просто грязные салфетки, для каждого нахлебника отдельно. Тут еще встретишь мебель, изгнанную отовсюду, но несокрушимую и помещенную сюда, как помещают отбросы цивилизации в больницы для неизлечимых. Тут вы увидите барометр, откуда вылезает капуцин, когда дождь уже пошел; мерзкие гравюры, от которых пропадает аппетит, — все в лакированных деревянных рамках с золочеными ободками; настенные часы, отделанные рогом с медной инкрустацией; зеленую муравленую печь; кенкеты Аргана², где пыль смешалась с маслом; длинный стол, покрытый клеенкой, настолько грязной, что весельчак-нахлебник пишет на ней свое имя просто пальцем за неимением стилоса; искаленные стулья; соломенные жалкие циновки — в вечном употреблении и без износа; затем дрянные грелки с развороченными продушинами, обуглившимися ручками и сломанными петлями. Трудно передать, насколько вся эта обстановка ветха, гнила, щелиста, неустойчива, источена, крива, коса, увечна, чуть жива, — понадобилось бы целое описание, но это затянуло б развитие нашей повести, чего, пожалуй, не простят нам люди занятые. Красный пол — в щербинах от подкраски и натирки. Короче говоря, здесь царство нищеты, где нет намека на поэзию, нищеты потертой,

---

¹ Турнэ — город в Бельгии.

² Кенкеты Аргана — названные по имени фабриканта Кенкета — лампы с резервуаром для масла и двойным поддувалом. Изобретены швейцарским физиком Арганом.

скаредной, сгущенной. Хотя она еще не грязь, но полна пятен, хотя она еще без дыр и без лохмотьев, но скоро превратится в тлен.

Эта комната бывает в полном блеске около семи часов утра, когда, предшествуя своей хозяйке, туда приходит кот г-жи Воке, вскакивает на буфеты и, мурлыча утреннюю песенку, обнюхивает чашки с молоком, накрытые тарелками. Вскоре появляется сама хозяйка, нарядившись в тюлевый чепец, откуда выбилась прядь накладных, неряшливо приколотых волос; вдова идет, пошмыгивая разношенными туфлями. На жирном, потрепанном ее лице выступает нос, прямо из середины, как клюв у попугая; пухлые ручки, раздобревшее, словно у церковной крысы, тело, чересчур объемистая, колыхающаяся грудь — все гармонирует с залой, где сочится горе, где притаилась алчность и где г-жа Воке без тошноты вдыхает теплый, смрадный воздух. Холодное, как первые осенние заморозки, лицо, окруженные морщинками глаза выражают все переходы от деланной улыбки танцовщицы до зловещей хмурости ростовщика — словом, ее личность предопределяет назначение пансиона, как пансион определяет назначение ее личности. Каторга не бывает без надсмотрщика — одно нельзя себе представить без другого. Бледная пухлость этой барыньки — такой же продукт всей ее жизни, как тиф есть следствие заразного воздуха больниц. Шерстяная вязаная юбка, вылезшая из-под верхней, сшитой из старого платья, с торчащей сквозь прорехи ватой, воспроизводит в сжатом виде гостиную, столовую и садик, говорит о свойствах кухни и дает возможность предугадать состав нахлебников. Появлением хозяйки картина завершается. В возрасте около пятидесяти лет вдова Воке похожа на всех женщин, *видавших виды*. У нее стеклянный взгляд, безгрешный вид сводни, готовой вдруг раскипятиться, чтобы взять подороже, а впрочем, для облегчения своей судьбы она пойдет на все: предаст и Пишегрю

и Жоржа¹, если бы Жорж и Пишегрю могли быть преданы еще раз. При всем этом она, в сущности, баба неплохая, говорят о ней нахлебники и, слыша, как она кряхтит и хнычет не меньше их самих, воображают, что у нее нет денег. Кем был г-н Воке? Она никогда не распространялась о покойнике. Как потерял он состояние? Ему не повезло, — гласил ее ответ. Он плохо поступил с ней, оставив ей лишь слезы, да этот дом, чтобы существовать, да право не сочувствовать ничьей беде, так как, по ее словам, она перестрадала все, что в силах человека.

Заслышав семенящие шаги своей хозяйки, кухарка, толстуха Сильвия, торопится готовить завтрак для нахлебников-жильцов. Нахлебники со стороны, как правило, абонировались только на обед, стоивший тридцать франков в месяц.

Ко времени начала этой повести жильцов-пансионеров было семь. Второй этаж состоял из двух помещений, лучших в этом доме. В одном — поменьше — жила сама Воке, другое занимала мадам Кутюр, вдова интендантского комиссара времен Республики. С ней проживала совсем юная девица Викторина Тайфер, которой мадам Кутюр заменяла мать. Годовая плата за содержание обеих доходила до тысячи восьмисот франков в год. Из двух комнат в третьем этаже одну снимал старик по имени Пуаре, другую — человек лет сорока, в черном парике и с крашеными бакенбардами, который выдавал себя за бывшего купца и звался г-н Вотрен. Четвертый этаж состоял из четырех комнат, из них две занимали постоянные жильцы: одну — старая дева мадемуазель Мишоно, другую — бывший фабри-

---

¹ Шарль Пишегрю — генерал, одержавший ряд побед в годы революции. Участвовал в заговоре Кадудаль против Бонапарта. Оба были выданы одним из заговорщиков. Жорж Кадудаль — один из вождей реакционного восстания в провинции Вандея в годы Французской буржуазной революции. В бытность Бонапарта Первым консулом Кадудаль возглавил заговор сторонников короля.

Содержание

<i>А. Н. Анненская. Оноре де Бальзак. Его жизнь и литературная деятельность</i>	3
Отец Горио	17